

V ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС-2016

**«Социология и общество:
социальное неравенство и
социальная справедливость»**

Москва – Екатеринбург

19 -21 октября 2016 года

Грант РГНФ 16-03-14064

УДК 316.4

ББК 60.55

С 69

Редакторы: Е.Иванова, И. Стрельцова, П. Юрьев, Ю. Ермолаева, Е. Алексеева, С.Гоманова, К. Гринева, В.Романова

С 69 Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург , 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А.Мансуров—Электрон. дан.— М.: Российское общество социологов, 2016. — 10694 С. — (DVD ROM).

ISBN e978-5-904804-14-5

Социологические исследования могут и должны стать научной базой для формирования социальной политики, позволяющей смягчить возрастающие негативные явления в обществе. Изучение причин возникновения социального неравенства, тенденций углубления или ослабления признаков дифференциации общества, международного опыта государственного и общественного реагирования на негативные социальные индикаторы, общегосударственных и региональных практик воздействия на различные проявления неравенства как локального, так и общегосударственного характера – важнейшие направления фундаментальной и прикладной социологической науки.

В сборнике представлены доклады более чем 1300 социологов по разноаспектным проблемам социального неравенства и социальной справедливости.

Материалы сборника будут интересны научным работникам, студентам и аспирантам, преподавателям и экспертам в области социологии, а также руководителям и аналитикам в сфере государственного и регионального управления.

Минимальные требования к компьютеру для работы: операционная система — Windows Vista /7/8/10; процессор — Pentium 4 с частотой 1,5 ГГц и выше; 1 Гб свободной оперативной памяти; наличие DVD-привода; дисплей с разрешением не ниже 1280x960.

На компьютере должен быть установлен один из веб-браузеров: Mozilla Firefox (www.mozilla.org), Internet Explorer (www.microsoft.com), GoogleChrome (www.google.com), Opera (www.opera.com) Adobe Acrobat Reader (www.adobe.com).

УДК 316.4
ББК 60.52

ISBNe978-5-904804-14-5

© РОС оформление, 2016
© Авторы: текст 2016

Гаврилов Кирилл Андреевич
Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики
Институт социологии Российской академии наук
Российская Федерация, Москва
gavrilov@socio.msk.ru

РИСК, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И НОРМАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ¹

Аннотация. В статье предпринимается попытка реконструировать специфику связи риска и ответственности со стороны понятия риск, допуская, что трактовка этого понятия – как опасности вообще, вероятного события или рационального решения – неизбежно сказывается на концептуализации нормативного измерения и, в частности, понимании и месте ответственности. При интерпретации понятия ответственности мы учитываем не только аспект «авторства» некоторого события, т.е. причинный вклад субъекта, но и подразумеваем соответствие/несоответствие действия некоторым этическим принципам, моральным нормам. Выявление нормативного измерения в существующих интерпретациях связи риска и ответственности позволяет обозначить «белые пятна», т.е. пути по дальнейшей теоретической проработке данной связи.

Ключевые слова: риск; ответственность; нормативное измерение

Gavrilov Kirill Andreevich
National Research University Higher School of Economics
Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences
Russian Federation, Moscow
gavrilov@socio.msk.ru

RISKS, RESPONSIBILITY AND NORMATIVE DIMENSION: PROSPECTS OF SOCIOLOGICAL STUDY²

Abstract. In this paper we make an attempt to reconstruct the risk-responsibility link departing from the concept of risk, assuming that the interpretation of this concept – as a danger, a probable event or a rational decision – will inevitably impact on the conceptualization of the normative dimension and, in particular, understanding the specificity of responsibility. We also imply that responsibility not only refers to “authorship” of an event, i.e. the causal contribution of some subject, but also refers to the action’s compliance to certain ethical principles, morals. Elicitation of the normative dimension in existing risk-responsibility link interpretations helps us to identify “blind spots”, i.e. ways for further theoretical elaboration of this link.

Key words: risk; responsibility; normative dimension

Постановка исследовательской задачи

На социально-философском уровне связка между риском и ответственностью неизменно признается [Giddens, 1999]. В то же время эта связь нуждается в прояснении как на теоретическом, так и эмпирическом уровнях. В докладе будет дан краткий обзор

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 16-03-00697 «Нормативное измерение социального действия и моральные основания социального порядка: от классических интерпретаций к современной социологии морали».

² The work was supported by the Russian Foundation for Humanities project № 16-03-00697.

теоретических подходов, уточняющих специфику этой связки, а также обозначены возможные ходы, не использованные современными теоретиками риска.

Предлагаем двигаться к прояснению указанной связи со стороны понятия риск, допуская, что трактовка этого понятия неизбежно сказывается на понимании и месте ответственности³. В качестве исходной точки для определения риска воспользуемся идее Дж.Зинна, согласно которому понятие риск используется тремя различными, но связанными способами:

1. Риск как опасность, угроза или ущерб.
2. Риск как калькуляция, исчисление риска.
3. Риск как принятие решения, взвешивание альтернатив [Zinn, 2008, p. 4].

В общем и целом, указанные элементы понятия риск могут быть обнаружены в обеих категориях дефиниций риска, предложенных Авеном и Ренном:

1. Риск определяется посредством вероятностей и ожидаемых значений.
2. Риск определяется через события/последствия и неопределенности [Aven and Renn, 2009, p. 2].

Итак, мы будем исходить трех – разделяемых аналитически – аспектов риска: событие (которое обычно рассматривается в негативном ключе), решение и вероятность. Мы утверждаем, что подходы к анализу риска, акцентирующие внимание на одном из аспектов риска, имеют специфическую трактовку ответственности и ее связи с риском. Рассмотрим последовательно каждую группу подходов.

Риск как опасность

Отождествление риска и опасности, приводящее к чрезвычайно широкой трактовке риска, неизбежно приводит к вопросу об ответственности за эти, как правило, неблагоприятные события. Так, У.Бек вводит понятие «коллективной безответственности» в контексте современного риска, подчеркивая тот факт, что современные риски – будучи антропогенными – не позволяют идентифицировать конкретных лиц в качестве их авторов:

...высокодифференцированному разделению труда соответствует всеобщее соучастие в преступлении, а этому соучастию — всеобщая безответственность. Каждый является причиной и следствием и тем самым не является причиной.

³ Заметим, что возможно движение со стороны понятия ответственности. Как замечает Э.Гидденс, ответственность, с одной стороны, указывает на «авторство» некоторого события, т.е. на причинный вклад некоторого субъекта. С другой стороны, ответственность подразумевает действие согласно некоторым этическим принципам, согласно взятым на себя обязательствам [Giddens, 1999, p. 8]. Мы будем иметь в виду это различие при характеристике подходов к анализу риска. В заключительной части работы мы сделаем акцент на составляющей, связанной с авторством, во второй – на элементе, прямо связывающим решение и некоторую норму.

Причины растворяются во всеобщей взаимозависимости между агентами и условиями, реакциями и контрреакциями [Бек, 2000, с. 38].

В более общем виде вопрос о соотношении риска-как-опасности и ответственности рассматривается в работах М.Дуглас. Пожалуй, ее работы – это наиболее последовательная к настоящему времени попытка связать в одной теоретической схеме, которую она называет буквально «судебной теорией опасности», два указанных концепта. Согласно Дуглас, мы имеем дело с политизированной вселенной, в которой любое неблагоприятное событие будет восприниматься и объясняться через призму вины и ответственности. Таких форм объяснения насчитывается три:

1. Обвинение самой жертвы. Объяснение производится в терминах нарушений некоторых правил (например, табу).
2. Обвинение соперников. Объяснение производится в терминах соревнования, в котором неизбежно кто-то проигрывает, а кто-то – выигрывает.
3. Обвинение врагов. Объяснение производится посредством ссылок на внешнего врага, который должен быть найден и наказан [Douglas 1992: 6].

При этом для Дуглас принципиально важно, что «и способы обвинения, и система правосудия – симптомы того, как общество организовано» [Douglas, 1992, р. 6]. Иными словами, здесь мы имеем дело с логикой, восходящей, по крайней мере, к «Чистоте и опасности» [Дуглас, 2000], согласно которой понимание опасности и того, кто будет обвинен, следует трактовать в контексте специфики социальной структуры и того положения, которое занимает в ней обвиняемый.

В целом, можно не принимать идею Дуглас об ограниченном числе социальных контекстов с различными «портфелями» рисков и с определенными моделями приписывания ответственности, но базовая идея, что «риск – это слово, которое превосходно обслуживает судебные потребности новой глобальной культуры» – кажется правдоподобной [Дуглас, 1994, с. 243]. Иными словами, риск, будучи синонимом опасности, используется в политических диспутах, чтобы возложить ответственность на оппонентов и защитить индивидов (например, от предприятий, загрязняющих окружающую среду, или от лабораторий, производящих новые виды вакцин).

Противоречие между Бекком и Дуглас – не более чем кажущееся: то, что современные опасности объективно не могут быть атрибутированы каким-либо акторам («коллективная безответственность»), как раз и становится благоприятной почвой для «диспутов о риске и справедливости», в ходе которых каждая сторона может апеллировать к «неоспоримым» фактам. Важный вывод состоит в том, что, согласно

теории Дуглас, могут обвиняться субъекты, которые, занимая определенную позицию в социальной структуре, ничего не совершали – точнее, их реальные действия иррелевантны приписанной им ответственности, важно лишь то, что существование этих субъектов само по себе воспринимается как угроза социальному установлению.

Риск как решение

Понимание риска как решения, пожалуй, открывает наиболее простой путь для концептуализации ответственности. Именно такая трактовка риска позволяет Э.Гидденсу «с легкостью сформулировать» связь между риском и ответственностью: «Риски существуют только тогда, когда нужно принимать решения... Идея ответственности также подразумевает решения. Понятие ответственности возникает тогда, когда кто-то принимает решение, имеющее видимые последствия» [Giddens, 1999, p. 8]. В сходном смысле Н.Луман говорит о риске в контексте решений, которым следует вменить ответственность за некоторое неблагоприятное событие, например, за катастрофу [Луман, 1994].

Когда ущерб имеет экологический характер, превышение определенного порога, необратимое изменение экологического равновесия или наступление катастрофы часто совершенно нельзя вменить каким-то отдельным решениям. Пусть наблюдатели спорят о "долях [ответственности]", например, в вопросе о влиянии автомобильных выхлопов на вымирание лесов; но даже если дело действительно в этом, запуск одного автомобильного мотора нельзя будет отнести к категории рискованных решений. И тут пришлось бы, так сказать, изобрести решения, каковым затем и вменить [ответственность], например, решение не запрещать езду на автомобилях [Луман, 1994, с. 153-154].

Принципиальная разница при анализе риска-как-решения в отличие риска-как-опасности состоит в том, что в момент принятия решения, а значит, взятия на себя ответственности, последствий еще нет и они, в принципе, могут не наступить. Гидденс подчеркивает, что для риска-как-решения важна именно ориентация на будущее, желание контролировать будущее, в частности, минимизируя возможные негативные последствия [Giddens, 1999, p. 3]. Именно поэтому ответственность перед будущими поколениями – это один из вопросов, занимающих Гидденса [Giddens, 1999, p. 9]. Иными словами, принимая (или не принимая) решения, субъект берет на себя ответственность или эта ответственность ему вменяется (что следует ожидать в первую очередь в отношении коллективных акторов), однако если в результате решения наступает реальная катастрофа, она как таковая уже не мыслится как риск, точнее, она становится риском-как-опасностью. Здесь, по-видимому, наиболее контрастно проявляются различия между двумя типами ответственности, обозначенными ранее: действия актора стали причиной

неблагоприятных последствий, но он может быть признан невиновным именно в силу того, что он не брал на себя никаких обязательств и не нарушал нормативные правила. Например, принимая решение о силовом освобождении заложника (а не об исполнении всех требований террориста), командующий, несомненно, рискует, а в случае гибели заложников именно его действия можно рассматривать в качестве причин трагедии. Будет ли он также обвинен, зависит, вероятно, от контекстуальных и нормативных факторов.

Риск как вероятность

Тогда как перспективы риска-как-опасности и риска-как-решения в значительной степени дополняют друг друга, рассмотрение риска как вероятности открывает иную возможность, противопоставляя понятие риск и суждения об ответственности. Например, Ф.Эвальд отмечает, что рассмотрение происшествий через призму риска радикально отличается от морального и юридического взгляда на мир, согласно которому неблагоприятные события следует рассматривать в терминах ошибок и ответственности. Напротив, в контексте страхования и риска происшествия – это нечто объективное, что случается с определенной регулярностью, соответственно, вопрос состоит не столько в поиске виновного, сколько в предсказании и калькуляции масштабов возможных бедствий [Ewald, 1991, p. 202].

Иными словами, риск-как-вероятность снимает вопрос об ответственности, по крайней мере, индивидуальной ответственности. Близкую идею отстаивает и Дуглас, прибегая к несколько иной аргументации:

Врачи, зная, что на них могут подать в суд, если они дадут неправильные советы, должны... прибегать к [терминам] объективной вероятности при объяснении выбора, с которым сталкиваются их пациенты... Научный язык рисков позволяет им сделать так, чтобы пациент принимал решение сам [Douglas 1992: 14-15].

Действительно, такие события как гибель урожая, пожар или падение ракеты-носителя могут быть рассмотрены с точки зрения ответственности тех лиц, которые должны были планировать полив, устанавливать пожарную сигнализацию или провести дополнительное испытание модуля ракеты соответственно. Но одновременно они же могут быть рассмотрены как проявление общей закономерности, что урожай периодически гибнет, пожары случаются, а ракеты – падают. Если имеет место последнее, то апелляция к естественному ходу событий делает нерелевантной постановку вопроса о вине.

Заключение: роль нормативного измерения

В таблице ниже представлено сравнение рассмотренных подходов к изучению риска в контексте их различий в трактовке ответственности и роли нормативного измерения.

Таблица

Риск, ответственность и нормативное измерение: сравнение подходов

	Риск-как-опасность	Риск-как-решение	Риск-как-вероятность
Ориентация во времени	Ориентация на прошлое	Ориентация на будущее	Ориентация на прошлое / будущее
За что приписывается ответственность	За реальный ущерб	За возможное последствие решения	Не приписывается
Роль нормативного измерения	Ущерб – следствие нарушения нормы	Нарушение нормы может усилить приписывание ответственности	Не играет значимой роли

Обратим внимание, что при рассмотрении риска-как-опасности и риска-как-вероятности ссылки на значимость нормативного измерения непременно присутствуют. В первом случае – именно нарушение некоторой нормы становится причиной приписывания ответственности (зачастую постфактум). Антропологический пример Дуглас: в некоторых культурах существует убеждение, что выкидыш – это следствие измены. Иными словами, обвинение есть результат нарушения некоторой стороной морального правила (и именно эта сторона и будет обвинена). Современный пример: полученные в наших исследованиях приписывания ответственности за теракты результаты показывают, что чаще всего обвиняются те акторы (власти, СМИ, силовые структуры), поведение которых едва ли следует признать морально приемлемым. Иными словами, этим акторам предположительно приписывалась вина не столько из-за наличия причинного вклада, а сколько из-за того, что поведение этих авторов не соответствовало некоторым (нормативным) ожиданиям [Гаврилов и Толмач, 2014].

Во втором случае специально подчеркивается иррелеватность нормативного измерения. Иными словами, рассмотрение некоторого события как статистически возможного (независимо от того, произошло оно или нет) в принципе снимает вопрос об ответственности и о том, соответствовало ли поведение, имевшее неблагоприятный результат, некоторой норме. Представляется продуктивным дальнейшее теоретизирование, основанное на таком взгляде на риск. Дело в том, что хотя вероятностное мышление действительно стремится отказаться от идеи индивидуальной ответственности, однако наше восприятие мира, согласно Дуглас, неизбежно политизировано и морально окрашено. Как, применительно к кейсам, связанным, например, со здоровьем, финансами или правонарушениями, взаимодействуют эти два

типа восприятия неблагоприятных событий? Как соответствующие дискурсы (страхования, медицины) формируют специфику восприятия рисков? И если действительно происходит снижение атрибуций индивидуальной ответственности, то как это влияет на приписывание коллективной ответственности?

Что касается риска-как-решения, то можно выдвинуть предположение о недостаточном внимании авторов, работающих в рамках этого направления, к роли норм в приписывании ответственности. Принимая во внимание, что решения не принимаются в условиях «нормативного вакуума», построение некоторой концептуальной модели, в которой бы были увязаны понятия риска, принятия решения, ответственности и нормы, кажется перспективной задачей. Это тем более важно, что в тех немногих эмпирических исследованиях, связывающих понятие риска и ответственности, чаще всего используется именно перспектива риска-как-решения. Так, в исследовании женщин с ранней стадией рака молочной железы, проведенном Чарльз и соавт., показано, что вопрос ответственности возникает в первую очередь в условиях наличия выбора, необходимости принимать некоторое решение относительно своего лечения [Charles et al., 1998]. Однако, заметим, даже необходимость самостоятельно выбрать метод лечения (или перекладывание этого выбора на врача) не в последнюю очередь зависит от нормативного контекста. Еще более явно о возможности сочетания в одной модели понятия риска, ответственности и нормативного измерения свидетельствуют эксперименты Дж.Кнобе, в которых он предлагал, в частности, оценить вину вице-президента компании в следующей вымышленной ситуации:

Вице-президент компании пришёл к председателю правления и сказал: «Мы думаем запустить новую программу. Она поможет нам увеличить прибыли, но также причинит вред окружающей среде».

Председатель правления ответил: «Меня не интересует вред, причиняемый окружающей среде. Я просто хочу получить максимально возможную прибыль. Давайте запустим новую программу».

Программа была запущена. И окружающей среде был нанесён ущерб [Кнобе, 2003].

Кажется, что вина, приписываемая вице-президенту, обусловлена не только тем, что именно он принимал соответствующее *решение*, но и тем, что он явным образом нарушал *норму* (заботы об окружающей среде). Какой из этих двух факторов сильнее влияет на приписывание вины, а также можно ли аналитически и эмпирически разделить эти факторы – вопрос для дальнейших исследований.

Представляется также, что одна из перспективных задач – построение интегрированных моделей приписывания ответственности, учитывающих одновременно

несколько взглядов на риск. Здесь можно обратиться к наработкам, имеющимся в смежных дисциплинах. Так, в одной из наиболее проработанных моделей приписывания ответственности, предложенной М.Алике (culpable control model), важнейшим фактором выступает каузальный контроль как «воздействие» актора в неблагоприятные последствия. Величина этого «воздействия» зависит от уникальности «вклада» данного актора, от достаточности его действий для того, чтобы последствия наступили, близость его поведения в цепочке причин, породивших исход, к самому исходу и «вероятность того, что неблагоприятные последствия бы не наступили или стали бы меньше, если бы не вмешательство актора» [Alicke, 2000, p. 561]. Хотя мы видим, что эта модель в наибольшей степени соответствует представлению о риске-как-решении, однако в нее включены элементы представления о риске-как-вероятности: здесь вероятность выступает в качестве опосредующего фактора вины. И в этом смысле, наверное, можно рассматривать гибель водителя в ДТП как результат «естественного хода событий», но если это происшествие стало результатом пьяного вождения (использования неисправного автомобиля, нарушения правил дорожного движения и т.д.), то именно последнее – действие, нарушающее норму – будет ключевым фактором, определяющим вину. Таким образом, указанные примеры демонстрируют продуктивность рефлексии о роли и функциях нормативного измерения в исследовании риска и ответственности.

Библиографический список

- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Гаврилов К. А., Толмач А. Д. Кто виноват: контент-анализ блогов о теракте в «Домодедово» // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 81–88
- Дуглас М. Риск как судебный механизм // THESIS. 1994. № 5. С. 242–253.
- Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
- Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135–160.
- Alicke M.D. Culpable control and the psychology of blame // Psychological Bulletin. 2000. Vol. 126. No. 4. P. 556-574.
- Aven T., Renn O. On risk defined as an event where the outcome is uncertain // Journal of Risk Research, 2009, Vol. 12, No. 1, p. 1–11.
- Charles C., Redko C., Whelan T., Gafni A., Reyno L. Doing nothing is no choice: lay constructions of treatment decision-making among women with early-stage breast cancer // Sociology of Health & Illness. 1998. Vol. 20. No.1. P. 71–95.
- Douglas M. Risk and blame. Essays in Cultural Theory. London and N.Y.: Routledge, 1992.
- Ewald F. Insurance and risks // The Foucault Effect: Studies in Governmentality / Ed. G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 197–210.
- Giddens A. Risk and Responsibility // The Modern Law Review. 1999. Vol. 62 (1). P. 1–10.
- Knobe J. Intentional Action and Side Effects in Ordinary Language // Analysis. 2003. Vol. 63. No. 3. PP. 190–193.

Zinn, Jens Introduction: The Contribution of Sociology to the Discourse on Risk and Uncertainty // Social Theories of Risk and Uncertainty: An Introduction. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008. P. 1–17.